

Н. Ф. Мокшин, Ю. Н. Сушкова

**М. Т. МАРКЕЛОВ – ТАЛАНТЛИВЫЙ СЫН
МОРДОВСКОГО НАРОДА**

В статье рассматривается деятельность этнографа-финно-угроведа М. Т. Маркелова, направленная на организацию и проведение экспедиций к мордве, удмуртам, марийцам в сер. 1920-х – нач. 1930-х гг. Авторы обращаются к забытым страницам истории отечественной этнографии, анализируют научные заслуги М. Т. Маркелова в этнологическом и фольклорном изучении финно-угорских народов. Статья помогает осознать масштаб личности репрессированного ученого.

Ключевые слова: М. Т. Маркелов, этнография, фольклористика, история финно-угроведения, полевые исследования, сталинские репрессии.

10 февраля 2016 г. исполнится 115 лет со дня рождения Михаила Тимофеевича Маркелова – выдающегося научного и социокультурного деятеля, мордвина, внесшего немалый вклад в этнографическую науку, музееведение и фольклористику, в развитие этнического самосознания финно-угорских народов, в становление их новейшей государственности, ознакомление с ними мировой общественности.

Хорошо известный в этнографических кругах нашей страны в 1920–1930-х гг., много издававшийся в центральной печати, М. Т. Маркелов, будучи репрессированным, оказался почти забытым. До сего времени круг публикаций о нем пока еще незначителен, но это весьма содержательные, правда, довольно краткие воспоминания о нем его ученицы – студентки МГУ, впоследствии доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР В. Н. Белицер, очерки о его, в основном, научной деятельности, а также информация с данными из показаний М. Т. Маркелова на допросах, опубликованная в книгах удмуртских исследователей Н. С. Кузнецова и К. И. Куликова [1. С. 15–25; 13. С. 107–111, 303–304; 14. С. 226–239; 32. С. 119–132; 35. С. 130–137; 36. С. 144–153].

М. Т. Маркелов, мордвин (эрзя) по национальности, родился в бедной крестьянской семье в с. Синенькие Петровского уезда Саратовской губ. Мать

его Матрена Минеевна была неграмотной, отец Тимофей Кузьмич – малограмотным. С большим трудом им удалось дать образование единственному сыну. Тимофею Кузьмичу, отцу будущего этнографа, приходилось даже скитаться по миру, чтобы заработать гроши на обучение сына. Помогали, чем могли, и дед с бабкой. Окончив в 1914 г. духовное училище, Михаил Маркелов поступает в Саратовскую духовную семинарию и через четыре года обучения подает прошение об увольнении, уходит из нее. После Октябрьской революции в 1918 г. он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Саратовского университета, где под руководством проф. Б. М. Соколова изучает этнографию и фольклористику, знакомится с музейным делом, участвует в фольклорных и этнографических экспедициях. Со студенческой скамьи М. Маркелов ведет большую общественную работу. Так, вместе с сотрудником Саратовского губкома РКП(б) Яковом Сунсиным он организовал при губкоме издание одной из первых мордовских газет «Якстере сокиця» («Красный пахарь»).

Это было время революционных перемен, когда среди мордвы пробуждался интерес к истории своего народа, его культуре, языку, в том числе – к национальной печати, литературе, театру. Периодические печатные органы на родном языке были своеобразными центрами консолидации мордовского этноса, внесшими значительный вклад в формирование национального самосознания, в становление творческой интеллигенции. «Издание вообще литературы на мордовском языке необходимо для мордвы как хлеб», – подчеркивалось в плане работы Мордовского подотдела Народного комиссариата по делам национальностей на 1922 г. [3].

В том же году отдел национальных меньшинств Саратовского губисполкома издает под редакцией Б. М. Соколова первый выпуск «Саратовского этнографического сборника», посвященный этнографии и фольклору мордвы [42]. В него вошла большая работа М. Т. Маркелова «Саратовская мордва» с публикацией собранных им полевых материалов о различных сторонах культуры и быта мордовского народа. Во введении Маркелов кратко характеризует дореволюционную этнографическую литературу о мордве, отмечая в ней не только неточности, но и ошибки, обусловленные либо незнанием мордовского языка, либо «миссионерской тенденциозностью», так что использование этой литературы, отмечает Маркелов, «должно обуславливаться осторожным подходом и возможно тщательной проверкой не только заключений, но и самого сырого материала» [16. С. 54].

Первый труд молодого ученого был хорошо принят научной общественностью. «Указанные материалы М. Т. Маркелова по саратовской мордве, – писала в центральном журнале “Этнография” Н. П. Гринкова, – являются ценным началом работ в этой области, в частности материалы по народному быту можно считать единственными по своей полноте для Саратовского края: в области же народного творчества и языка приведенные материалы являются дополнением к большому сборнику А. А. Шахматова, как бы расширяя территориально записи “Мордовского этнографического сборника”» [4. С. 249].

Б. М. Соколов, искренне радовавшийся успехам ученика, подарил ему отгиск своей статьи «Этнографическое изучение Саратовского края», опубликованной в том же сборнике, с примечательным автографом: «Михаилу Тимофеевичу Маркелову – дорогому другу и товарищу в этнографической работе в глубокой

уверенности, что из него выйдет знаменитый исследователь своего родного народа – мордвы. 12.V.1922»*.

В 1924 г. по решению Совнаркома СССР в Москве был открыт Центральный музей народоведения (впоследствии Музей народов СССР, переведенный в 1947 г. в Ленинград, ныне Российский государственный этнографический музей), директором которого был назначен Б. М. Соколов. В создании музея активно участвуют и приехавшие из Саратова ученики профессора – В. Ю. Крупянская, В. П. Никольская и М. Т. Маркелов. Молодой музей развернул активную деятельность, направляя свои экспедиции в различные регионы страны. Маркелов становится ближайшим помощником Б. М. Соколова в изучении финноязычных, а отчасти и тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья.

Скончавшийся в возрасте 41 года, Б. М. Соколов был одним из активнейших советских деятелей в области фольклористики, этнографии и музейного дела, умевшим самые казалось бы отвлеченные научные проблемы спаять с актуальными интересами текущего дня. Упоминая о мировом значении работы Э. Лённрота по собиранию знаменитых рун «Калевалы», Б. М. Соколов писал: «И сколько явится, может быть, Лённротов в наши дни и должно явиться в ближайшее время из недр самих национальностей, которые будут собирать те перлы творчества, какие и сейчас питают собой народную жизнь и народные потребности в отношении искусства. Так создадутся у нас мордовские, марийские и многие другие эпопеи, которые будут собраны при помощи самих национальностей и пущены в общий мировой научный оборот» [38. С. 443].

С 1925 г. начинает работу Восточно-финская экспедиция Центрального музея народоведения (в дальнейшем ЦМН. – Н. М., Ю. С.), общее руководство которой принадлежало Б. М. Соколову. Целью ее было исследование хозяйства, материальной и духовной культуры, этногенеза и этнической истории, современных преобразований в культуре и быте народов Волго-Камья. Она состояла из двух отрядов – этнологического, который возглавил М. Т. Маркелов, и палеоэтнологического, руководимого Б. С. Жуковым. В 1925 г. этнологический отряд в составе М. Маркелова, М. Феноменова, Б. Васильева, И. Бондякова, К. Чайникова (Кузубая Герда) и фотографа М. Веткина проводил исследования в Марийской автономной области.

Итоги первого года работы Восточно-финской экспедиции были подведены на этнографическом вечере-концерте, посвященном песням народов Поволжья – марийцев, удмуртов, мордвы, который был организован в Государственной академии художественных наук. Б. М. Соколов в своем докладе подчеркнул огромное значение исследования поэзии каждого народа: «Занимается новая заря изучения восточных финнов – прежде всего силами и самодеятельностью этих так долго угнетавшихся национальностей», – заключил он свое выступление [12. С. 133].

В 1926–1928 гг. Восточно-финская экспедиция работала среди мордвы с целью изучения мордвы-эрзи Ульяновской губ. и эрзи и мокши в Нижегородской губ. Экспедицией был собран значительный материал по расширенной этнологи-

* Указанный оттиск находится в архиве М. Т. Маркелова (Фонд 3191, № 58), хранящемся в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее им. И. Д. Воронина.

ческой программе, включая сферы общественного быта, материальной и духовной культуры. Изучение эрзи Ардатовского и Алатырского уездов Ульяновской губ. дало возможность установить пути расселения ее на юг в Саратовскую губ. и на восток – в Самарскую, Оренбургскую и Уфимскую губ. Обследование экспедицией мокши Лукояновского уезда Нижегородской губ. показало ту историко-культурную разницу в быте двух групп мордвы, что препятствовала нивелировке этих групповых особенностей одной и той же народности. Экспедицией была приобретена коллекция из 150 предметов (комплекты по веревочному, шерстобитному и валяльному промыслам, 8 комплектов-костюмов и украшений) [49. С. 135].

Собранные материалы позволили оформить новые экспозиции по финноязычным народам Поволжья. «Штат музея, – вспоминает В. Н. Белицер, – в те годы был небольшим, и на М. Т. Маркелове как на научном сотруднике, а позднее – заведующем отделом лежали самые разнообразные обязанности: не только научная обработка и экспозиция коллекций, но много и других чисто технических работ. Человек с богатой инициативой, он работал с увлечением, всецело отдавая себя любимому делу» [1. С. 17].

В те годы М. Т. Маркелов проявлял особый интерес к одежде и орнаменту марийцев, подготовил к печати монографию «Одежда мари-черемис». Эта работа полностью еще не опубликована. В 1994 г. на страницах журнала РАН «Этнографическое обозрение» был напечатан небольшой ее фрагмент «Вышивание у марийцев», подготовленный для публикации заведующей сектором письменных источников Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея Т. А. Шигуровой [18. С. 138–143]. Вся рукопись указанной работы М. Т. Маркелова хранится в этом музее (Фонд 3191, № 3–8).

Во вт. пол. 1920-х гг. основное внимание молодой ученый сосредоточивает на изучении родного мордовского народа, его истории, этнографии и фольклора, стремясь удовлетворить запросы не только мордовской общественности, но и властных структур по вопросам истории, культуре и быту, этническому расселению мордовского народа, особо ставшим актуальными в связи с его самоопределением, формированием современной мордовской государственности. На базе коллекций ЦМН Маркелов пишет популярную брошюру «Мордва», в которой приводит общие сведения о численности мордвы, ее этнических группах, расселении, материальной и духовной культуре [12].

Глубоко понимая значимость этнографических музейных материалов, их экспозиций в просветительской деятельности, в ознакомлении представителей других народов с образом жизни, менталитетом мордовского народа, М. Т. Маркелов не ограничивался экспозициями в стенах ЦМН, он знакомил с ними общественность по возможности и в других аудиториях, залах, устраивая передвижные выставки, очевидцем одной из них, в здании Потешного дворца, где впоследствии помещался Президиум АН СССР, был мордовский ученый-педагог и общественный деятель, доктор педагогических наук, проф. Ф. Ф. Советкин. Выставка имела большой, но, на взгляд Советкина, «своеобразный успех». «По стенам комнат, где стояли восковые фигуры в разных эрзянских и мокшанских костюмах, были развешаны в крупном плане под стеклом портреты необыкновенно красивых девушек-мордовок из Игнатовского района. Около

этих красавиц и толпилась публика... Девушки действительно были изумительно красивы, ну, просто глаз не оторвешь. “Молодец Маркелов, – говорил Макар Евсевьевич Евсевьев, выдающийся просветитель мордвы, побывавший вместе с Ф. Ф. Советкиным на выставке, – он экспонирует не только красивые наряды, но и красоту мордовского тела”» [46. С. 142].

В кон. 1920-х и нач. 1930-х гг. М. Т. Маркелов часто выступает с докладами, участвует в дискуссиях о предмете «этнография», об этнокультурных связях и взаимовлияниях, ведет общественную работу, будучи секретарем этнологической секции при Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), одновременно обучаясь в аспирантуре института. На этой секции с научными докладами выступали и видные ученые (профессора П. Ф. Преображенский, А. Н. Максимов, В. К. Никольский, М. О. Косвен, С. В. Бахрушин), и аспиранты М. Т. Маркелов, С. А. Токарев и др. В 1927 г. с докладом «Семья и брак у волго-камских финнов» на секции выступил М. Т. Маркелов [28. С. 204–205].

Когда в 1930-х гг. на страницах журнала «Этнография» развернулась дискуссия по статье Д. К. Зеленина «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности» [8], утверждавшего, что в этногенезе русского народа и в генезисе русской культуры неславянское, в том числе финское население, не участвовало, ошибочность этой гипотезы была обоснована в статьях С. П. Толстова «К проблеме аккультурации» и М. Т. Маркелова «К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских», опубликованных в журнале «Этнография» (1930, № 1–2). Как полагал М. Т. Маркелов, научные исследования культурных взаимоотношений финнов и русских представляют большой интерес для выяснения генезиса как русской, так и финской культуры. Лишь внимательный анализ каждого культурного явления в отдельности без патриотического «кто у кого» в состоянии пролить свет на истинный генезис этого явления, на способы возникновения культурных ценностей и, наконец, на степень проявления творческих усилий отдельных соседствующих народов в создании той или иной культуры современности» [20. С. 62].

В 1929 г. в Москве выходит книга М. Т. Маркелова на мордовском – эрзя языке «Мокшэръзятнень эрямо пиньгест» («История мордвы»), представляющая собой популярный очерк истории мордовского народа. В предисловии к ней автор сообщает, что надеется со временем создать курс истории и этнографии мордвы. В данной же работе ученый намечает основные исторические вехи мордвы, делает попытку ввести экономические и политические судьбы ее в общие рамки российской истории. «Связать историю мордовской народности с экономическими и социально-политическими путями развития России нам, – пишет автор, – казалось необходимым потому, что историческое бытие восточно-финских народностей началось почти одновременно с созданием русской государственности. Мало того, социальная дифференциация в пределах русской общественности с давних пор предопределила мордву и другим финнам бассейна Волги, Оки и Камы классовое место в рядах русского тяглого крестьянства. Отсюда те экономические отношения, которые в различные эпохи создавались для русского крестьянства, создавались и для мордвы» [23. С. 5].

Из сказанного, однако, не следует, что мордва как народ не имеет своей собственной истории, растворившись в массе россиян. «Самый процесс создания великорусской народности, дальнейшие взаимоотношения русских и малых народностей, факт параллельного существования тех и других до настоящего времени и, наконец, факт национального самосознания самих народностей обязывает нас изучать историю. В этом именно порядке подлежит изучению и мордва», – заключал Маркелов [23. С. 5–6].

Практическое значение издания такой книги он связывал с задачами просвещения, когда «знание истории своего родного народа» стало «необходимостью для самого темного мордовского крестьянина» [23. С. 6]. Книга Маркелова по существу – это первый обзор истории мордовского народа с древнейших времен по первую четверть XX в. В названии книги автор употребил одним из первых этноним «мокшэрзят» как слияние субэтнонимов «мокша» и «эрзя», символизирующее процесс консолидации мордовского этноса.

Эта идея пронизывает все творчество М. Т. Маркелова. Так, еще в 1924 г. на страницах центральной мордовской газеты «Якстере теште», публиковавшейся в Москве, он писал: «У нас два разговорных языка – эрзянский и мокшанский. Не только у мордвы так обстоят дела, но и у многих других народов (русских, чувашей, марийцев), обладающих двумя-тремя разговорными языками, но имеющих единый литературный язык, на котором все умеют читать. Литературный язык в одночасье не делается, надобно мало-помалу двигаться к нему. Говорят, будто мокшанин не понимает эрзянина, а тот мокшанина, а на мой взгляд дело обстоит не совсем так. На самом деле оно обстоит следующим образом: эрзянин не очень быстро и не во всем поймет мокшанина, как и, в свою очередь, тот эрзянина. Но если будешь читать не очень быстро, то поймешь, о чем человек пишет. Я полагаю, – заключал М. Т. Маркелов, – когда будем больше читать, быстрее будем понимать» [50. С. 3].

Много внимания уделял М. Т. Маркелов изучению и других финно-угорских народов Поволжья: марийцев, удмуртов. В 1929 г. он печатает популярную брошюру об удмуртах [17], в 1930 г. руководит экспедицией ЦМН, проводившей в течение трех с половиной месяцев полевые изыскания в Вотской автономной области. Особое внимание уделялось проблемам современного хозяйственного строительства в области. Экспедиция при участии сотрудника ЦМН В. Н. Белицер, заведующего Вотским областным музеем Г. Ф. Сидорова и художника И. С. Ефимова по заданию Комакадемии проявила интерес к пережиткам родового строя у удмуртов [6]. «Материалы, собранные экспедицией, – писал М. Т. Маркелов, – дают возможность говорить об удмуртском родовом устройстве не только как о культовом союзе, что в имеющейся литературе подчеркивалось до сих пор. Экспедицией найдены черты родового хозяйства в пользовании землей, лесными деланками, скотом. Родовые общественные организации в виде “Кенеша”, организации старейшин, “Пура” – родовых судей, “Восьяспура” – объединения жрецов и т. д. до сих пор являются реально значимыми в общественной жизни удмуртов» [30. С. 79].

Учитывая волну репрессий, развернувшуюся в Вотской автономной области против традиционного органа местного самоуправления *кенеша*, который в постановлении ЦК ВКП (б) «О состоянии Удмуртской парторганизации» (1930 г.) был объявлен главным врагом советской власти и основным противни-

ком коллективизации, М. Т. Маркелов понимал всю тщетность своих попыток амортизировать беспощадные удары по *кенишу*.

В 1931 г. по итогам экспедиции М. Т. Маркелов, В. Н. Сидоров и В. Н. Белицер публикуют сборник «Удмурты», подвергшийся разносу в местной печати. В «Ижевской правде» под рубрикой «За партийность в науке» была опубликована статья В. Зеленцова «Культурническая прогулка или научная экспедиция?», в которой автор поливал грязью М. Т. Маркелова, утверждая, что такие исследования приносят социалистическому строительству не пользу, а значительный вред [6]. Он обвинил ученого в том, что тот не написал ни слова о классовой борьбе в удмуртской деревне. В конечном итоге автор статьи заявил, что «нам не нужны культурнические прогулки». «Задача научной экспедиции, – писал В. Зеленцов, – в том, чтобы всю работу подчинить целиком интересам социалистического строительства, дать марксистско-ленинское описание действительности... Аполитичное изучение и освещение хозяйственной и культурной жизни как прошлого, так и настоящего, где вопросы рассматриваются вне связи с классовой борьбой, нужно признать не только недопустимым, но и вредным» [10].

Едва ли этот пасквиль прошел мимо внимания М. Т. Маркелова. Возможно, он сыграл свою роль и в том, что задуманное ученым монографическое описание удмуртской деревни не было выполнено, а богатейший материал, собранный в экспедиции, не был полностью востребован: три статьи, написанные по итогам экспедиции в Удмуртию, не вобрали его в полном объеме [29; 18; 26].

Как вспоминает участница этой экспедиции В. Н. Белицер, тесное общение с местным населением, большая любознательность позволили молодому ученому собрать интересный и весьма ценный материал [5]. «Экспедиция, – вспоминает она, – присутствовала на многих, даже “особо важных” ночных молениях, происходящих в священных рощах – “лудах” и родовых “куалах”. Михаилу Тимофеевичу удалось записать сроки и назначение молений, тексты молитв, ритуал жертвоприношений, выяснить роль жрецов и т. д. Он был всегда почетным гостем на жертвенных обедах и непременным участником веселых праздничных гуляний» [1. С. 22].

Другой участник экспедиции московский художник И. С. Ефимов, впоследствии получивший почетное звание народного художника СССР, в письме к своему брату Андриану, датированном 24 июля 1930 г., то есть непосредственно направленном из Удмуртии, сообщал: «Вчера в нашу честь сделали вечер в школе. Чудесно плясали, любую эстраду перекроют. Тело неподвижным столбушком и четко выделяющиеся бескостные, легкие ноги. Водили хоровод; ходили по-солонь, а парень насолонь и выбирает невесту и прочий набор родственников, движущихся с ним вместе навстречу кругу. Вдруг, совершенно неожиданно, начинает их, также припевом, всех поочередно разгонять. Потом Михаил Тимофеевич отлично носился в танце. Большой, легкий, изящный, вроде горца... Потом мы сыграли кукол. Михаил Тимофеевич из своего справочника снабдил меня частушками, спели хорошую каторжную песню, а предварительно он сказал речь о нашем кукольном театре на удмуртском языке» [5. С. 216].

На протяжении всей научной деятельности М. Т. Маркелов уделял большое внимание исследованию дохристианских верований и обрядов восточно-финских народов. В 1931 г. в сборнике «Религиозные верования народов СССР»

напечатаны три его статьи, две из которых посвящены верованиям и обрядам марийцев и мордвы, а третья – анализу культа умерших в похоронном обряде волго-камских финнов [21; 22; 24]. Из заслуг Маркелова в области изучения дохристианских верований финно-угорских народов Поволжья следует отметить, в первую очередь, тщательное исследование им культа родовых предков, погребального и поминального обрядов, таких ранних форм религии, как знахарство и колдовство, а также аграрного культа.

В 1928 г. в журнале «Этнография» М. Т. Маркелов публикует обширную статью «Системы родства у угро-финских народностей» [29] – первую специальную попытку сравнительного изучения систем родства финно-угорских народов: «Мы не имеем пока в этой области не только исследований, но и даже систематически собранных материалов, по которым можно было бы приступить к разрешению этих проблем. В пределах изучения родства у наших народностей в литературе мы имеем дело лишь с теми отрывочными данными, случайными заметками и аналогиями, которые вкраплены в те или иные монографии по отдельным угро-финским народностям» [29. С. 44]. Кратко охарактеризовав использованные материалы, Маркелов замечает: «Их бедность и фактическая неполнота являются причиной того, что я не могу смотреть на свою работу как на исчерпывающую в смысле собирания материалов и тем более выводов» [29. С. 49].

Автор поставил перед собой, в первую очередь, задачу систематизировать отрывочные данные, касающиеся родства, собрать беглые заметки отдельных авторов в единую схему, классифицировать материал в аспекте сравнительного изучения родства и родственных обозначений по группе народностей. И с решением этой задачи успешно справился. М. Т. Маркеловым впервые (на основе литературных источников, словарей, собственных полевых наблюдений и любезно представленных коллегами материалов) была составлена обширная сравнительная таблица терминов родства угро-финских народностей, опубликованная им вместе со статьей [29. С. 50, 70–75].

Маркелов ставит перед собой и вторую задачу – «выяснить те принципы, которые лежат в основе родственных и свойственных отношений, проанализировать с этой точки зрения родственные обозначения» [29. С. 50]. Однако, дав критический анализ работам предшествующих авторов (И. Н. Смирнова, С. К. Кузнецова, В. А. Максимова, В. Н. Майнова и др.), затрагивавших в той или иной мере эти проблемы, и верно указав на ряд ошибочных положений в этих работах, Маркелов не смог оценить некоторые верные наблюдения и предположения, в частности, относительно пережитков группового брака, хотя и сам отмечал бытование у финно-угорских народов обычая избегания между зятьями и тещами или невестками и тестями. По мнению многих ученых, обычай этот возник как стремление преодолеть традиции группового брака и был направлен на сужение брачного круга [44. С. 106; 40. С. 1].

В 1928 г. М. Т. Маркелов в соавторстве с С. П. Толстовым публикует статью «К истории терюханской народной культуры», написанную в основном по материалам их экспедиций в Нижегородскую губ. С. П. Толстов, как и Маркелов, в 1927–1928 гг. занимался изучением терюшевской мордвы и возглавлял экспедицию к ней Музея Центрально-промышленной области [48. С. 140]. Авторы

статьи подробно рассмотрели вопросы расселения и историко-экономические судьбы терюшевской мордвы, показали антикрепостнические и антицерковные движения этой части мордовского народа, выразившиеся в восстаниях 1743–1745 и 1804–1810 гг., изложили в общих чертах ход крещения в данном регионе, осветили причины, приведшие к обрусению терюшевской мордвы. Они сделали правильный вывод о том, что слово «терюхане» не есть этноним, что оно связано с наименованием центра волости Большого Терюшева и произведено, скорее всего, от мужского имени Теряй-Терюхай-Терюш [31. С. 107].

Изучив материальную и духовную культуру терюшевской мордвы, Маркелов и Толстов пришли к выводу, что в ней хорошо прослеживается «двойственность этнического типа терюхан», сложившаяся из мордовских и русских элементов. Причем мордовские элементы больше сохранились в сфере их духовной культуры, которая, как отмечают авторы, «настойчиво ведет изучающего к прошлым традициям культуры эрзянской группы мордвы», и констатировали, что «язык этой группы ничем не отличался от эрзянского наречия мордовского языка». Эрзянские элементы выявлены ими также в цикле семейных обрядов, в пережитках мифологических и культовых форм, в одежде терюшевцев. В заключение ученые делают вывод, хотя и предварительный, о том, что терюшевская мордва представляла собой одно из «мелких архаических образований», не успевшее быть «вполне ассимилированной эрзей благодаря раннему подчинению славяно-русскому культурному влиянию», что это одно из «четырех мордовских племен», под которыми они разумели эрзю, мокшу, каратаев и терюхан [31. С. 104, 118, 123].

Такой вывод, однако, нельзя считать достаточно обоснованным. Маркелов и Толстов сами обнаружили у терюшевской мордвы многие эрзянские черты. Вернее всего, перед нами обрусевшая группа мордвы-эрзи, что подтверждается данными археологии, этнографии, истории, языкознания, ономастики [2. С. 23; 15. С. 1; 33. С. 65].

Вплоть до сер. XVIII в. терюшевская мордва оставалась некрещеной, что не мешало тесным контактам с ее окружающим русским населением. Скорее всего, именно здесь возникла русская пословица «С боярами знаться честно, с попами свято, а с мордвой хоть грех, да лучше всех», записанная в сер. XIX в. в Нижегородской губ. Н. А. Добролюбовым.

К этому времени процесс обрусения терюшевской мордвы зашел уже довольно далеко. Она позабыла родной язык, перейдя на русский, хотя еще весьма прочно сохраняла мордовское самосознание и дохристианские верования, традиционную обрядовую жизнь. Общение их на русском языке дало основание епископу Нижегородскому и Алатырскому Дмитрию утверждать, что терюшевские некрещены «называются мордвою ложно, понеже они мордвою никогда не бывали и мордовского языка не знали и не знают, а говорят как суздальские и ярославские мужики». При встрече с ними нижегородского губернатора князя Друцкого, интересовавшегося, почему они, если они действительно мордва, не говорят по-мордовски, они отвечали: «Деды и отцы наши мордовского языка не знали и мы не знаем, говорим исстари по-русски». [2].

Во II пол. XIX в. терюшевское мордовское население находилось на завершающей стадии обрусения, а в первых десятилетиях XX в. полностью утратило

мордовское самосознание, трансформировавшись в состав русского этноса, хотя в постсоветские годы и предпринимаются некоторые попытки реанимировать их былую мордовскую идентичность.

М. Т. Маркелов был превосходным руководителем полевых исследований, в совершенстве владевшим всем набором методов этнографического исследования. «Даже теперь, спустя много лет, – пишет В. Н. Белицер, – вспоминая свою первую этнографическую поездку, я продолжаю удивляться той неутомимой энергии, находчивости и такту, которые проявлял наш молодой руководитель в полевых, подчас трудных условиях. Энтузиазм начальника заражал и сотрудников. Все мы работали с большим увлечением, даже с азартом, с утра до вечера. У Михаила Тимофеевича был свой метод обучения молодых этнографов сбору полевых материалов. Он мало опекал своих учеников: не ходил с ними к информаторам, не составлял для них вопросников и программ. Закрепив за каждым участником экспедиции определенную тему, он предоставлял ему возможность работать самостоятельно. Только по вечерам, просматривая полевые записи или слушая сообщение о проделанной работе, интересных экспонатах или встречах, делал свои замечания, давал советы и указания. Таким образом, с одной стороны, представлялась свободная инициатива в работе, с другой стороны, был контроль» [1. С. 19].

Без отрыва от работы в ЦМН М. Т. Маркелов окончил аспирантуру РАНИ-ИОН и был приглашен в МГУ, где, начиная с осени 1929 г., читал курс этнографии народов Поволжья и вел параллельный семинар. «Студенты, – вспоминает В. Н. Белицер, будучи одной из них, – очень любили М. Т. Маркелова. Он был замечательным лектором и педагогом. Читал он живо, просто и очень интересно. Семинарские занятия проходили также очень оживленно» [1. С. 21].

В 1931–1932 гг. М. Т. Маркелов руководит экспедицией ЦМН по изучению башкир, собирая материалы для новой экспозиции. Вместе с ним, как и в ряде предыдущих экспедиций, работает И. С. Ефимов, сделавший для музея немало уникальных полевых зарисовок и фотографий, часть из которых в настоящее время находится в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи, а другие – в Российском государственном этнографическом музее Санкт-Петербурга.

М. Т. Маркелов живо откликался на новые исследования о финно-угорских народах, публикуя на них рецензии и заметки [10. С. 411, 150–151; 26. С. 253–255; 28; 28. С. 204–205; 43. С. 146–147], участвуя в работе этнографических комиссий и конференций. В 1929 г. на совещании этнографов Москвы и Ленинграда он избирается в состав подготовительной комиссии по проведению этнографического съезда, наряду с ведущими этнографами страны (В. Г. Богораз-Тан, С. П. Толстов, Б. М. Соколов, В. К. Никольский, Н. М. Маторин, Я. П. Кошкин, В. Б. Аптекарь, Д. К. Зеленин) [37. С. 144].

Это было время, когда марксистско-ленинская идеология становилась монополюсной в науке, в том числе в этнографии. Ленинградское совещание этнографов, называемое иногда съездом, было одним из этапных в этом направлении. Оно состоялось в апреле 1929 г. А вскоре (с 1931 г.) началась реорганизация ЦМН, в котором со дня его основания работал М. Т. Маркелов. Марксистское руководство музея, возглавленное С. П. Толстовым, констатировало, что первый

период в его деятельности (1924–1931 гг.) закончился. А второй период должен был стать этапом «решительной борьбы на идеологическом фронте», предстояли «строительство музея национальной политики партии и правительства, показ социалистического содержания и национальной формы культуры народностей, населяющих территорию СССР» [47. С. 215].

Смене доктрины музея предшествовал период теоретико-методологических проработочных дискуссий, призванных не только выявить научно-теоретические позиции сотрудников, но и внедрить, не останавливаясь ни перед чем, марксистскую методологию в этнологическую науку. Последствиями «коренного перелома» в этнологии было закрытие в Московском университете этнологического факультета, а переименование ЦМН (1934 г.) в Государственный музей народов СССР в соответствии с новыми установками означало переход «от объяснений этнографического характера к объяснению характера и сущности национальной политики партии и правительства СССР, истории развития общественных форм социалистического строительства, культуры и т. д.» [47. С. 216].

Последствия организационного погрома этнологической науки в Москве были катастрофическими. Почти полное «вымирание» этнографии и этнографов в Москве – так определил положение один из современников тех событий А. М. Золотарев. Резко сократилось число научных учреждений, ведущих этнологические исследования. Но качественная сторона дела при этом не выиграла, ибо оценивались и поощрялись не интеллектуальный потенциал и научная результативность учреждения, а политический и партийный авторитет его руководителя и идейная выдержанность коллектива [47. С. 218–219].

В это время М. Т. Маркелов готовил к печати большую работу «Песни мордвы». Будучи музыкально одаренным (пел и подбирал аккомпанемент по слуху), он очень ценил и хорошо знал песни своего народа, многие из них помнил с детских лет. Ученый долго вынашивал идею книги, которая должна была стать не просто сборником народных песен, фольклора или авторизованным эпическим полотном, а серьезным аналитическим исследованием. Был составлен его план, подобран материал и в 1932 г. законченная рукопись была сдана в издательство «Academia». Однако публикация книги так и не состоялась, судьба рукописи поныне остается неизвестной.

14 января 1933 г. М. Т. Маркелов, заведующий отделом народов Урало-Поволжья ЦМН, был арестован и оказался в следственной камере Бутырского изолятора ОГПУ. Решением Коллегии ОГПУ в июле 1933 г. он был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по так называемому делу «СО-ФИН» [5]. Указанная аббревиатура, сфабрикованная, как и все «дело» в стенах ОГПУ-НКВД, переводится или обозначает «Союз освобождения финских народностей». В обвинительном заключении уголовного дела утверждалось, что Маркелов, вынашивая антисоветские замыслы, установил связи с контрреволюционной организацией Финляндии (имелось в виду «Финно-угорское общество», основанное в 1883 г. в Гельсингфорсе для исследования финно-угорских народов [36. С. 126–128], а также с иностранцами, прибывающими в СССР под видом научных командировок. Истинные же их намерения, гласило обвинение, состояли в том, чтобы попытаться установить контакты с контрреволюционными груп-

пами, якобы имевшими целью отделение Удмуртии, Мордовской, Марийской, Коми-Зырянской областей от СССР с тем, чтобы объединить их впоследствии под протекторатом Финляндии. Обвинение прямо утверждало, что Маркелов «по заданию некоторых белофинских и эстонских кругов распространял идею отделения восточно-финских народов от СССР» [13. С. 108; 14. С. 238].

Всего по указанному «делу» 9 июля 1933 г. Коллегией ОГПУ к различным срокам исправительно-трудовых лагерей было осуждено 24 человека, в том числе и известный удмуртский ученый, поэт и просветитель Кузубай Герд (Кузьма Павлович Чайников). [Столетие со дня его рождения со временем будет широко отмечаться в Удмуртии и Москве. По инициативе ЮНЕСКО эта дата была включена во Всемирный календарь памятных дат 1988 г.]

Иллюзорная «вина» М. Т. Маркелова состояла всего лишь в том, что он побывал в посольстве Финляндии на официальном приеме; за рубежом же не бывал никогда и частных встреч с иностранцами не имел. О контактах своих с зарубежными коллегами на допросах сообщал следующее: «В 1927 г. в Москву приезжал эстонский лингвист профессор Марк... По поручению Музея народоведения в лице его директора Б. М. Соколова я ознакомил Марка с экспонатами. Марк попросил меня найти и выслать ему в Эстонию грамматику мордовского языка... С финским профессором Хамелайненом я познакомился в 1928 г. Он посетил наш музей... В 1928 г. директора музея и меня через Наркомат по иностранным делам приглашали на официальный прием в финское посольство. На этой встрече были удмурты, мордва, русские. В 1929 г. в Москве побывали финские ученые Вихманн и Калима. Посетили музей. Прослушали доклады, в том числе и мой, посвященный анализу статьи Зеленина» [13. С. 108–109].

И в этих визитах, связанных с прямым исполнением человеком своих служебных обязанностей, органы госбезопасности усмотрели преступные деяния, сочли контрреволюционным умыслом профессиональные контакты ученых, без которых немислима научно-исследовательская работа. Но даже в такую смутную пору беззакония и террора смириться с клеймом «изменника Родины» М. Т. Маркелов не мог. Через месяц после вынесения приговора он пишет заявление на имя Прокурора СССР, в котором рассказывает о своей жизнедеятельности, причинах ареста и методах ведения следствия. Сообщает о том, что московский уполномоченный ОГПУ Зотов требовал от него подробностей о его деятельности по созданию независимой Мордовской Республики, а его коллега по работе в ОГПУ по Горьковскому краю Антоновский вообще считал Маркелова вполне состоявшимся контрреволюционером и угрозами, уговорами побуждал «выкладывать» практические результаты враждебной антигосударственной работы, представить которые, за полным их отсутствием, подследственный, конечно же, не мог. Маркелов доводил также до сведения Прокурора СССР, что за все пять месяцев допросов в Горьком Антоновский и другие следователи не составили ни единого протокола, творя произвол даже и в этом. Он просил в связи с полной своей невиновностью отмены приговора» [13. С. 109–110].

И железная хватка ослабла. Лагерь заменили спецпоселением, высылкой в Томск в январе 1934 г. с правом работы по специальности. С 1934 по 1937 г. М. Т. Маркелов работал в Томске доцентом Томского государственного универ-

ситета и директором этнолого-археологического музея этого университета, читал курсы лекций по этнографии и истории народов СССР, истории колонизации Сибири, преподавал латинский язык, который, как и греческий, изучил еще будучи студентом Саратовской духовной семинарии, проводил инвентаризацию музейных фондов, продолжал интенсивную научную работу.

В 1936 г. выходит в свет статья М. Т. Маркелова «Мордовская деревня по данным эрзянского предреволюционного фольклора» [25] – последняя прижизненная публикация ученого. В архиве М. Т. Маркелова, находящемся в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее, сохранилась его статья, написанная в Томске, «Материалы по доклассовому обществу Этнолого-археологического музея ТГУ», как и значительная часть рукописи «Рабство в Сибири в XVII–XVIII вв.». Предполагалось, что она станет его докторской диссертацией. Но завершить ее не удалось: дни М. Т. Маркелова уже были сочтены. 27 октября 1937 г. по возвращении с работы в университете его вновь арестовывают.

26 февраля 1939 г. обеспокоенные престарелые родители ученого, которым было по 70 лет, проживавшие в Москве (ул. Духовская, 22, кв. 11), получили в НКВД (Кузнецкий мост, 24) справку, что сын их осужден в дальние лагеря без права переписки [39. С. 137]. Информация эта была ложной: М. Т. Маркелов был расстрелян вскоре после ареста, 9 ноября 1937 г., место захоронения не установлено [13. С. 107, 457].

Настойчивые попытки разыскать отца предпринимал и сын ученого Юрий, с 1937 г. не имевший о нем никаких известий. Юрий Михайлович Маркелов участвовал в Великой Отечественной войне, сражаясь против фашистов в качестве командира полковой разведки, дважды был ранен, имел боевые награды. Закончив в 1948 г. театральный вуз, работал актером Московского областного театра, редактором Всесоюзного радио.

В справке, выданной ему от 18 мая 1959 г. Томским областным судом, было сказано: «Дело по обвинению Маркелова Михаила Тимофеевича пересмотрено Президиумом Томского областного суда. 14 мая 1959 г. Постановление бывшей тройки УНКВД по Новосибирской области от 9 ноября 1937 года в отношении Маркелова Михаила Тимофеевича отменено и делопроизводством прекращено за отсутствием состава преступления. До ареста работал Маркелов заведующим музеем Томского государственного университета. Председатель Томского областного суда В. Скрябин» [13].

Всю свою недолгую творческую жизнь М. Т. Маркелов провел в упорном и плодотворном труде, результатом которого явились его научные работы, не утратившие своей актуальности и поныне. Его высоко ценили современники, коллеги, он пользовался заслуженным авторитетом в научных кругах. Так, С. А. Токарев, работавший с ним в ЦМН, впоследствии этнограф с мировым именем, считал его «даровитым» и «действительно выдающимся деятелем своего народа (мордва) и неутомимым его исследователем». «К несчастью, – писал он, – жизнь М. Т. Маркелова слишком рано оборвалась. Однако и за короткий срок он успел сделать очень много» [34. С. 103].

М. Т. Маркелов внес существенный вклад в развитие отечественной этнографической науки и музееведения. Его работы еще долго будут служить источником

не только достоверных, подчас уникальных, фактических данных, но и своими оригинальными выводами способствовать дальнейшей разработке проблем этногенеза и этнической истории, общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры, этногенетических и этнокультурных связей финно-угорских народов и не только их. Думается, настало время для их переиздания, ибо они с недоброй памятью репрессий 1930-х гг. стали библиографической редкостью.

Величие личности М. Т. Маркелова состоит и в том, что он не сдался, дух его не был сломлен, он не оговорил ни себя, ни своих коллег, свидетельством чему являются дошедшие до нас протоколы его допросов [13. С. 303–304]. Ему подобен был и его внук – Станислав Юрьевич Маркелов, адвокат и правозащитник, убитый в Москве на ул. Пречистенка 19 января 2009 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Белицер В. Н.* М. Т. Маркелов (из воспоминаний этнографа) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1970. Вып. 3. С. 15–25.

2. *Белицер В. Н.* Традиционные черты общемордовской культуры в обрядах и фольклоре терюхан // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. Вып. 50. С. 23–34.
3. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1 об.

4. *Гринкова Н. П.* Рец.: Саратовский этнографический сборник. Вып. 1 / Под ред. Б. М. Соколова. Саратов, 1922 // Этнография. 1927. № 1. С. 249.

5. *Ефимов И. С.* Об искусстве и художниках. Художественное и литературное наследие. М.: Советский художник, 1977. 423 с.

6. *Загребин А. Е.* «Забытые тексты» экспедиций В. Н. Белицер к удмуртам // Уральский исторический вестник. 2014. № 4. С. 127–131.

7. *Загребин А. Е., Чураков В. С.* Вклад М. Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 133–139.

8. *Зеленин Д. К.* Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности // Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Ч. 1. Л., 1929. С. 96–108.

9. *Золотарев Д. А.* Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей /ЛОИКФУН/. Л., 1929.

10. *Золотарев Д. А., Бломквист Е. Э.* Западные финны. Путеводитель этнографического отдела Государственного русского музея. Л., 1927. 31 с.

11. Ижевская правда. 1931. 28 июля.

12. *Коротин Е. И.* Принципы организационно-собирающей работы в фольклористике 1920-х годов (Борис Матвеевич Соколов) // Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 4. М., 1968. С. 121–133.

13. *Кузнецов Н. С.* Из мрака... Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. 496 с.

14. *Куликов К. И.* Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 368 с.

15. *Майнов В. Н.* Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. 559 с.

16. *Маркелов М. Т.* Саратовская мордва: Этногр. мат-лы // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1. С. 54–223.

17. *Маркелов М. Т.* Вотяки (удмурты). М.: Государственный центральный музей народоведения, 1929. 12 с.

18. Маркелов М. Т. Вышивание у марийцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 138–143.
19. Маркелов М. Т. Историко-этнографический очерк удмуртов // Удмурты. М., Ижевск, 1931. С. 17–60.
20. Маркелов М. Т. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских // Этнография. 1930. № 1–2. С. 57–62.
21. Маркелов М. Т. Культ умерших в похоронном обряде Волго-Камских финнов // Религиозные верования народов СССР. В 2-х тт. М., Л., 1931. Т. 2. С. 269–283.
22. Маркелов М. Т. Мари // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. 2.
23. Маркелов М. Т. Мокшэрзятнень эрямо пиньгест. М., 1929. 184 с.
24. Маркелов М. Т. Мордва. М., 1928. 184 с.
25. Маркелов М. Т. Мордовская деревня по данным эрзянского предреволюционного фольклора // Советский фольклор. 1936. № 4–5. С. 269–280.
26. Маркелов М. Т. Рец.: Мордовское население в Пензенской губернии / Под ред. Г. А. Полумордвинова. Пенза, 1926 // Этнография. 1927. № 2. С. 253–255.
27. Маркелов М. Т. О пережитках родового строя в современном быту удмуртов // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 59–69.
28. Маркелов М. Т. Секция этнологии при Институте истории российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) // Этнография. 1927. № 1. С. 204–205.
29. Маркелов М. Т. Система родства у угро-финских народностей // Этнография. 1928. № 1. С. 45–78.
30. Маркелов М. Т. Этнографическое изучение удмуртов. К десятилетию Вотской автономной области // Этнография. 1930. № 4. С. 71–80.
31. Маркелов М. Т., Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры // Этнография. 1928. № 2. Кн. 6. С. 104–123.
32. Мокшин Н. Ф. Вклад М. Т. Маркелова в этнографическое изучение финно-угорских народов // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Научно-тематический сборник. Серия историческая наука. Ч. 2. Саранск, 1973. С. 119–132.
33. Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 160 с.
34. Мокшин Н. Ф. С. А. Токарев – мой официальный оппонент // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке. М., 1995. 313 с.
35. Мокшин Н. Ф. М. Т. Маркелов и этнографическое изучение финно-угорских народов // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 130–137.
36. Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. С. 144–153.
37. О созыве этнографического съезда // Этнография. 1929. № 2. С. 144.
38. Памяти профессора Б. М. Соколова // Советский фольклор. 1936. Вып. 4–5. С. 429–431.
39. Письмо родителей М. Т. Маркелова М. И. Калинину // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 137.
40. Плесовский Ф. В. К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 6.
41. Понне Н. Н., Старцев Г. А. Финно-угорские народы. Л., 1927. 47 с.
42. Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1.
43. Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН). Л., 1929.
44. Семенов Ю. И. Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений // Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.

45. *Симонович-Ефимова Н. Я.* Записки петрушечника. М.-Л.: Госиздат., 1925. 240 с.
46. *Советкин Ф. Ф.* М. Е. Евсевьев // Советкин Ф. Ф. Избранные труды. В 3-х тт. Саранск, 1981. Т. 3. С. 142.
47. *Соловей Т. Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: ИЭА РАН, 1998. 258 с.
48. *Толстов С.* Хроника // Этнография. 1928. № 2. С. 140.
49. *Шиллинг Е.* Государственный Центральный музей народоведения // Этнография. 1927. № 1. С. 210.
50. Якстере теште. 1924. № 27.

Поступила в редакцию 29.04.2016

N. F. Mokshin, Yu. N. Sushkova

M. T. Markelov as a Talented Son of the Mordvinians

The article discusses the academic career of the ethnographer and specialist in Finno-Ugric studies M. T. Markelov, who organized and conducted some expeditions to the Mordvinians, the Udmurts, the Mari, and the Bashkirs in the early 1920s – the early 1930s. The authors deal with the forgotten pages of the history of Russian ethnography and analyze M. T. Markelov's scientific contributions to the ethnology and folklore studies of the Finno-Ugric peoples. The paper helps to understand the prominence of the politically repressed scholar.

Keywords: M. T. Markelov, ethnography, folklore studies, history of Finno-Ugric studies, field research, Stalinist purges.

Николай Федорович Мокшин,

доктор исторических наук, профессор,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
430005, Россия, г. Саранск, ул. Пролетарская, 63
E-mail: depart-hist@isi.mrsu.ru

Сушкова Юлия Николаевна

доктор исторических наук, доцент,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
430000, Россия, г. Саранск, ул. Полежаева, 44
E-mail: yulenkam@mail.ru

Nikolai Fedorovich Mokshin

Doctor of Sciences (History), Professor,
Ogarev Mordovia State University
430005, Russia, Saransk, Proletarian St., 63
E-mail: depart-hist@isi.mrsu.ru

Sushkova Yulia Nikolaevna

Doctor of Sciences (History), Associate Professor,
Ogarev Mordovia State University
430000, Russia, Saransk, Polezhaeva St., 44
E-mail: yulenkam@mail.ru